Жарёнова Н. В.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/21.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 55-58. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3) *«Е. Спиридович, правда, пишет… Однако эти слова, сами по себе безусловно правильные, не проводятся им в жизнь в его теории»* [Горбаченко и др. 1932: 161].

Как видим, рациональные оценки, в отличие от эмоциональных, опираются не на чувства, а на мнения (*мне кажется, я убежден, мы считаем*). При этом и те и другие отражают субъективное отношение говорящих в адрес объекта высказывания.

По мнению Е. М. Вольф, присутствие оценочного субъекта предполагает «некоторые особые свойства оценочного рассуждения и в первую очередь возможность спора об оценках, при котором сталкиваются разные мнения» [Вольф 1985: 22]. В связи с тем, что рассматриваемый период в истории советского языкознания был переломным, вполне очевидно наличие разногласий по важнейшим вопросам теории и методологии науки о языке. Не менее интересно и то, что в текстах присутствуют разные оценки одних и тех же фактов, признаваемых представителями противостоящих течений. Например:

1) «*Совсем другое дело с яфетической теорией, вскрывшей, что есть лингвисты, но науки об языке не было*» [Марр 1928: 203].

2) «*Марксисты-языковеды понимают все великое значение строго-сравнительного метода, против которого за последнее время разными фантастами наговорено столько благоглупостей*» [Лоя 1929: 70].

3) «*Наши противники утверждали, что за три месяца дискуссии наша оценка яфетидологии изменилась <…> Я утверждаю, что наша оценка яфетической теории в основном не изменилась*» [Данилов 1931: 93].

Как видно из примеров, субъект оценки, высвечивая значимые для того периода в развитии отечественного языкознания положения, мог быть представлен и как индивидуальный субъект, и как субъект обобщенный, или, если воспользоваться принятой в современной историологии науки о языке терминологией, как «климат мнений». В конечном счете победу марризму в 30-е гг. обеспечил именно «климат мнений», привнесенный из политической и идеологической среды социалистического строительства, а не внутренняя логика науки, структура которой должна базироваться на новых оригинальных идеях, непротиворечивости, методологической основательности научного направления, его концептуальной зрелости.

Что касается процесса рождения благоприятного для «нового учения о языке» климата мнений, то он был подготовлен как ходом послереволюционных событий у нас в стране, так и обилием хвалебных самооценок, которые встречаются на страницах работ марристов. И хотя, как известно, позитивная сомооценка не поощряется обществом, именно такого рода аксиологические характеристики наряду с невыдержанной бранью в адрес оппонентов, став нормой для научного лингвистического дискурса 30-х гг., оказали воздействие на общую атмосферу в научной среде.

Итак, на основании проведенного анализа текстов по лингвистике конца 20-х - начала 30-х гг. XX в., было выявлено, что категория оценки играет в них существенную роль. Во-первых, она выступает в качестве показателя смены научных парадигм, во-вторых, она отражает не только специфику научных взглядов, но и служит мерилом ценностей той эпохи, в-третьих, она показывает, каким образом благодаря наличию эмоциональных оценок в то время происходило смещение границ между двумя столь непохожими функциональными стилями, как научный и публицистический.

Список использованной литературы

1. **Алпатов В. А.** История одного мифа: Марр и марризм. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. **Арутюнова Н. Д.** Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. - 1985. - № 3. - С. 13-24.
3. **Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988.
4. **Белевицкий С.** О чем шел спор // Русский язык. - 1931. - № 1. - С. 11-20.
5. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985.
6. **Горбаченко Г. И., Синельникова Н. П., Шуб Т. А.** Вылазка буржуазной агентуры в языкознании // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 155-166.
7. **Данилов Г. К.** Яфетидология в наши дни // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 92-102.
8. **Кун Т.** Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1977.
9. **Лоя Я.** Основные направления в языковедении // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 66-71.
10. **Марр Н. Я.** Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 188-220.
11. **Марр Н. Я.** Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 220-272.
12. **Филин Ф. П.** Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкофронт» // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 115-133.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ

Жарёнова Н. В.
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Функциональная парадигма языка, представляющая собой совокупность разных его форм, является своеобразной моделью реального существования языковых подсистем. Так, структурной основой современного немецкого языка (НЯ) являются местные территориальные диалекты, составляющие его диатопическую си-

стему. Им противопоставлена стандартная вариация, традиционно обозначаемая как литературный язык. Языковые формы, заполняющие промежуточное пространство, составляют многослойные наддиалектные образования - разновидности обиходно-разговорного языка и полудиалекты.

В немецкоязычном ареале Швейцарии в силу определенных экстра- и внутрилингвистических причин сформировалась модель, существенно отличающаяся от германской: для нее характерен своеобразный ансамбль лишь двух языковых форм - немецкого литературного стандарта с присущими ему швейцарскими чертами (гельвецизмами) на уровне кодифицированной нормы (Schweizerhochdeutsch) и алеманского диалекта (Schwyzertütsch). В отсутствии отдельной лингвистически выраженной системы между диалектом и стандартом заключается уникальность национально детерминированного характера строения языка, обслуживающего немецко-швейцарскую речевую общность [Домашнев, Помазан 1981: 40].

Нельзя, однако, категорически утверждать, что в швейцарском ареале реально существуют лишь две языковые формации. Происходящие в настоящее время социально-лингвистические изменения диатопического уровня НЯ в Швейцарии, перестройка его системы с явно выраженной тенденцией к нивелированию диалектов послужили поводом для дискуссии среди ученых, занимающихся швейцарской германистикой. По мнению Р. Циммера, на территории немецкоязычной Швейцарии сформировалось наддиалектное койне (supradialektale Koine) - общий обиходно-разговорный язык, базирующийся на местных диалектах и служащий языком-посредником в акте коммуникации между носителями данных диалектов [Zimmer 1977: 146]. Такая языковая вариация рассматривается лингвистом как автономная подсистема (регистр) в структуре НЯ Швейцарии.

Другой точки зрения придерживаются В. Хаас [Haas 1978] и Х. Кристен [Christen 1997], выступающие против попыток выделения каких-либо надрегиональных «переходных» языковых вариаций, ведущих к переформированию всей структуры швейцарского варианта НЯ (ШВНЯ). Ими опровергается мнение о том, что вследствие конвергентных процессов сложились все предпосылки для образования наддиалектной вариации типа койне, и, тем более, единого швейцарского языка (Einheitsschweizerdeutsch). Койне возникает как результат диахронического процесса, развивающегося на фоне контактирования изначально равноценных диалектов между собой и заканчивающегося образованием стабильной, относительно гомогенной, надрегиональной и всеобще признанной вариации. Проведенные Х. Кристен исследования показали, что наблюдаемые центростремительные процессы выравнивания швейцарских диалектов, наличие конвергентных изменений в структуре диатопических вариаций направлены не на формирование какого-либо одного акролекта. Скорее всего, можно говорить о возникновении нескольких региональных акролектов (койне), которые изменяют диалектный ландшафт немецкоязычного ареала Швейцарии и охватывают бóльшие территории (подробнее об исследовании см. [Christen 1997]). Х. Лёффлер, отмечая наличие черт переходных языковых формаций в системе ШВНЯ, говорит о так называемых обиходно-разговорных диалектах (“Umgangs-Dialekte”), формирующихся в процессе нивелировки диатопического уровня на базе диалектов Цюриха, Базеля, Люцерна, Берна и Ст. Галлена [Löffler 1991: 98]. Развивающиеся диалекты «выравнивания» (temperierte Mundarten, Ausgleichsmundarten) обнаруживают более или менее последовательное устранение примарных отклонений от норм литературного языка, осуществляющееся с разной степенью интенсивности во всех сферах диалектной системы. Как отмечают А. И. Домашнев и Н. Г. Помазан [1981: 43-44], наблюдаемая переходная формация не представляет собой в настоящий момент замкнутую систему и едва ли может оцениваться как самостоятельный функциональный слой в парадигме ШВНЯ. Единый надтерриториальный обиходно-разговорный язык в Швейцарии представляет собой скорее наметившуюся тенденцию, чем реальность.

Двустратный тип парадигмы НЯ в Швейцарии, характерные для него отсутствие промежуточных образований и стабильность свидетельствуют об особенном статусе диалекта. В XX в. социальная эмансипация и осознание швейцарцами своей национально-культурной и языковой самостоятельности обусловили социальную немаркированность современного диалекта [Бухаров 1995: 56]. Отсутствие каких-либо социально-демографических ограничений в использовании швейцарских диалектов и высокая степень гомогенности способствуют дальнейшему расширению диапазона функционирования и позволяют швейцарско-немецкой диатопической системе участвовать в выполнении функций, традиционно принадлежащих в других немецкоязычных странах стандартной и субстандартной вариациям.

Анализируя национальную специфику распределения сфер влияния между стандартной и диалектной вариациями НЯ в Швейцарии, многие исследователи склонны определять уникальную лингвистическую ситуацию как *диглоссию*. По отношению к немецко-швейцарскому ареалу этот термин впервые был использован Ч. А. Фергюсоном. В настоящее время языковую ситуацию в Швейцарии характеризуют как *всеобщую диглоссию* (totale Diglossie), сильно ориентированную на диалект, *диглоссию медиальную* (mediale Diglossie) или *координированную* (koordinierte Diglossie). Разная терминология отражает суть сложившейся ситуации, когда две генетически родственные вариации одного языка находятся в комплементарных отношениях и каждая из них употребляется в определенной коммуникативной ситуации. Функциональная дистрибуция вариаций «стандарт» - «диалект» в ШВНЯ заключается прежде всего в разграничении сфер их употребления по линии, которая определяется «медиумом»: *письменный язык* vs. *разговорный язык*.

Рассмотрим основные особенности распределения функций между компонентами языковой системы Schwyzertütsch / Standarddeutsch.

В немецкоязычной Швейцарии языком образовательной школы традиционно считается стандартная ва-

риация ШВНЯ, изучению которой уделяют большое внимание. На начальном этапе обучения большую роль играет диалект, но по мере перехода учеников в старшие классы использование диалекта на уроках сокращается. С таким перераспределением функциональных нагрузок языковых вариаций связаны психологические проблемы: стандартная вариация НЯ является для многих учеников преградой для активного участия на занятии. Именно в старших классах нередко складывается стереотипное отношение к стандарту НЯ как к первому иностранному языку. Schwyzertütsch выполняет роль «домашнего» или «семейного» языка (Haus-, Familiensprache) - домашнего диалекта. Проблемы психологического и дидактического характера приводят к тому, что в течение занятия происходит частая смена языковых кодов, характерная не только для учеников. Прослушивая аудиозаписи уроков, учителя с удивлением отмечают, что сами нередко переключаются на диалект.

Следует отметить, что смена кодов «диалект» - «стандарт» типична для многих ситуаций общения. Так, в научной сфере доклады обычно читаются на стандарте НЯ. При обсуждении проблемы широкой аудиторией участники непроизвольно переходят на диатопическую вариацию, поскольку в качестве спонтанной эмоциональной речи для швейцарца выступает исключительно Schwyzerdütsch. Научные термины в процессе дискуссии ассимилируются и приобретают региональную окраску, например: *Lautverschiebung→ Luttverschibig, Bluttransfusion→ Bluettransfusi* и др.

Особую функцию выполняет диалект в политических и административных учреждениях страны. Во многих кантональных советах (парламенты Базеля, Берна, Ури, Швица и др.) современные политики зачастую предпочитают говорить на Schwyzertütsch, что связано в первую очередь с прагматической задачей, которая заключается в создании атмосферы доверия и сокращении психологической дистанции между говорящим и слушающими. Целью использования в публичном выступлении диалекта является подчеркнуть свою тесную связь с народом, с Родиной. К таким эффективным приемам особенно часто прибегают при проведении политических предвыборных кампаний, поскольку «национальный компонент» Schwyzertütsch оказывает большое воздействие на электорат.

Особая языковая ситуация сложилась в средствах массовой информации: политико-информационные передачи надрегионального характера ведутся на стандарте, а многие локальные программы - на диалекте. Зачастую дикторский текст к передачам составляется на стандарте, задачей же ведущего является «перевод» сообщений и комментариев на Schwyzerdütsch. Выбор того или иного языкового кода зависит от характера передачи, состава участников, темы разговора и т. д. Непрерывное «балансирование» ведущих радио и ТВ между стандартом и диалектом отражает всю сложность и неоднозначность выбора, перед которым немецкоязычный швейцарец находится каждый день в той или иной ситуации.

А. Лёчер [Lötscher 1983: 123] попытался сформулировать основные принципы, которыми руководствуются швейцарцы при выборе языкового кода:

- Чем официальнее и формальнее обстановка, тем более предпочтительна стандартная вариация.
- Если мероприятие носит надрегиональный характер, то предпочтение также будет отдано стандарту ШВНЯ. Для локальных организаций характерно использование диалекта.
- Жители севера и северо-запада страны охотнее переключаются на стандартную вариацию, чем в центральных районах и в кантоне Берн, где преобладает аграрный сектор.
- Использование стандарта в официальной ситуации следует ожидать в первую очередь от людей с высшим образованием, в отличие от других слоев населения.

Практически невозможно перечислить все ситуации, где однозначно употребляется стандарт НЯ, и те, где предпочтение отдается диатопической вариации. Ситуация диглоссии предполагает в каждом конкретном случае специфический набор компонентов социально-коммуникативной системы, а также принципов их взаимодействия и взаимодополнения. В каждом конкретном случае при анализе взаимоотношений функционально-стратифицированных языковых образований следует учитывать совокупность социальных и социально-психологических факторов, детерминирующих речевое поведение носителей ШВНЯ в условиях определенного социума.

Степень владения каждой из двух вариаций НЯ очень индивидуальна. Недостаточное использование стандарта НЯ в ежедневной коммуникации приводит к снижению языковой компетенции, следствием чего является чувство неуверенности в общении на стандарте. Негативные ощущения приводят к тому, что не каждая возможность говорить на стандартной вариации используется, и любая необходимость прибегать к ней избегается.

Немецкоязычные швейцарцы, однако, без проблем понимают звучащий стандарт НЯ (немаловажную роль при этом играют СМИ) и владеют им в достаточном для общения объеме, особенно, если это еще обусловлено и профессиональной спецификой. Тесные научные, экономические и культурные контакты с Германией и Австрией стимулируют активное использование стандарта швейцарцами в общении с коллегами. При этом стандартная вариация часто рассматривается не как комплементарная форма родного языка, а как второй без проблем понимаемый и употребляемый язык в рамках билингвальной модели или даже как иностранный язык [Ris 1990: 42].

В заключении хотелось бы отметить, что в языковом сознании швейцарца функциональное переплетение стандартной вариации и диалектного уровня не приводит к структурному смешению. В речи же наблюдаются процессы межсистемного взаимодействия этих двух форм, результатом которого являются всевозможные интерференции, заимствования, уподобления, формирующие региональную специфику швейцарского варианта немецкого языка.

Список использованной литературы

1. Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком языке (теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование): Дисс. … докт. филолог. наук: 10.02.04. - Н. Новгород, 1995. - 418 с.

2. Домашнев А. И., Помазан Н. Г. К понятию “Umgangsprache” в немецком языке Швейцарии (по поводу одной актуальной проблемы швейцарской германистики) // Вопросы языкознания. - 1981. - № 3. - С. 40-51.

3. Christen H. Koiné-Tendenzen im Schweizerdeutschen? // Varietäten des Deutschen. Regional- und Umgangssprachen / Hrg. G. Stickel. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1997. - S. 346-363.

4. Haas W. Wider den Nationaldialekt. Bemerkungen eines Schweizers zu Rudolf Zimmer: „Dialekt - Nationaldialekt - Standardsprache“ // ZDL. - 1978. – H. 1. - S. 62-67.

5. Löffler H. Linguistische Grundlagen. Eine Einführung unter besonderer Berücksichtigung Schweizer Verhältnisse. - Aarau-Frankfurt a.M.-Salzburg: Sauerländer, 1991. - S. 60-115.

6. Lötscher A. Schweizerdeutsch. Geschichte, Dialekte, Gebrauch. - Stuttgart: Verlag Huber Frauenfeld, 1983. - 212 S.

7. Ris R. Diglossie und Bilingualismus in der deutschen Schweiz: Verirrung oder Chance? // Die Schweiz im Spiegel ihrer Sprachen. – Aarau-Fr. a. M.-Salzburg: Verlag Sauerländer, 1990. - S. 40-49.

8. Zimmer R. Dialekt - Nationaldialekt - Standardsprache // ZDL. - 1977. - H. 1. - S. 145-157.

РЕАЛИЗАЦИЯ КРОССКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЛИНГВИСТОВ

Залялетдинова И. М.
НОУ «Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладошина»

Профессиональная образованность будущих лингвистов (студентов лингвистических специальностей) предполагает высокий уровень языковой компетентности. Несмотря на большое количество исследований по вопросу языковой компетентности, наблюдается отсутствие единого мнения в определении понятий «компетенция» и «компетентность», неоднозначность употребления понятий «компетентность», «компетенция» в нормативных документах, а также различные взгляды на структуру языковой компетентности.

Под языковой компетентностью мы понимаем интегральную характеристику совокупности результатов овладения и успешного применения на практике языковых единиц во всех видах деятельности (речь, понимание речи, чтение и письмо) в соответствии со сферами общения (в том числе профильно-ориентированными), речевого опыта и «чувства языка». Структурными компонентами языковой компетентности будущих лингвистов являются: межкультурная, социолингвистическая, собственно языковая (лингвистическая) и профессионально-практическая компетенции.

Выявление подходов той или иной концепции - важнейшая составляющая теоретического знания. Это внутренне необходимая, всеобщая и существенная связь предметов и явлений объективной действительности.

Нами разделяется мнение Е. Ю. Никитиной и О. Ю. Афанасьевой, согласно которому подход - это теоретическо-методическая основа педагогического исследования, проявляющаяся в определенных закономерностях и особенностях [Никитина, Афанасьева 2006: 6].

Рассмотрим один из подходов, составляющих методологию исследования развития языковой компетентности будущих лингвистов.

На общенаучном уровне основой исследования является кросскультурный подход. Кросскультурный подход является наиболее актуальным, на наш взгляд, в освещении проблем лингвистики на современном этапе как общая методологическая предпосылка антропологической системы знания. Он предполагает толерантность всех этнических менталитетов и их языковых систем.

Кросскультурный подход представлен в работах таких исследователей, как Н. Н. Алиева, Т. В. Жукова, К. Г. Завалишина, Г. А. Ферапонтов и др.

Термин «кросскультурность» появился в отечественной науке в 19 веке и означает в переводе с английского языка «пересечение культур» [Алиева 2007].

Понятие «кросскультурность» граничит с понятием «интеркультурность». Приверженцы современной интеркультурной философии (Э. Холл, М.Р. Хаммер, П. Кэйкконен) стремятся к достижению оснований, способствующих коммуникации с «другим» и принимают герменевтический подход, предполагающий как на индивидуальном, так и на культурном уровне отказ от абсолютизации любой культуры (включая собственную), утверждая, напротив, сферу взаимодействия и противодействия. Однако данные области исследования представляются новыми и не достаточно разработанными, поскольку в этой сфере знаний еще не достигнуто согласие относительно теоретического основания, способного служить четким ориентиром в решении сложных герменевтических и методологических вопросов [Алиева 2007].

Кросскультурность в философии способствует более точному пониманию проблемы культурной идентичности определенного человеческого сообщества, рассматриваемой в ходе исторического процесса кросскультурного взаимодействия и взаимообогащения, возможного вследствие динамики постоянных кросскультурных связей, то есть преодоления безоговорочного приоритета собственных традиций, что проявляется на всех уровнях взаимодействия людей в современном обществе. Нам близка точка зрения Г. В. Елизаровой, что кросскультурный подход анализирует специфику одних и тех же, сходных, аналогичных явлений